

**А.А. Болтаевский,
И.П. Прядко**

Македонский тупик: к вопросу об участии Болгарии в Первой мировой войне

В статье рассматривается геополитический аспект участия Болгарии в Первой мировой войне. Государства Балканского полуострова в условиях мирового конфликта пытались отстаивать свои стратегические интересы, невзирая на доминирующее влияние старших партнеров по коалиции.

Ключевые слова: Первая мировая война; Болгария; Балканский полуостров; Германия.

Находящийся на перекрестке цивилизаций Балканский полуостров (еще сто лет назад этот регион относили к Ближнему Востоку) ввиду географических и культурных факторов с давних пор входит в зону стратегических интересов России. Отношения Балканских стран с расположенной за морем славянской державой не всегда были гладкими — периоды тесной дружбы сменялись жесткими размолвками: так было с русско-сербскими связями, когда бывшие союзники становились врагами (коллизия «Сталин – Тито»), так было и с Болгарией, причем по меньшей мере три раза это происходило именно в XX столетии. Динамика русско-болгарских контактов в последние полтора века отличается заметными перепадами. Именно в конце XIX и на протяжении всего прошлого века Болгария в узком смысле и Балканы в широком становились яблоком раздора, фактором геополитического противостояния крупных европейских государств. Необходимо помнить, что именно положение на Балканах привело к Первой мировой войне: небольшие по сравнению с соседними геополитическими тяжеловесами государства полуострова втянули Европу в крупный военный конфликт.

В настоящей статье в свете истории российско-болгарских отношений будет показана роль Болгарии в Первой мировой войне. Обращение к данной теме актуально, поскольку и сегодня взаимоотношения между постсоветской Россией и Балканскими государствами характеризуются противоречиями и немалым драматизмом, что связано для России с фантомными болями былого имперского величия, дававшего право на политическое водительство братьями-славянами, а для Болгарии — с комплексом младшего брата, сменой старых политических ориентиров, расставанием со своим прошлым, отмеченным

крепкой русско-болгарской дружбой. Отношения между государствами сегодня осложняются противостоянием геополитических проектов, борьбой за политическое влияние США и России, противоречиями между блоком НАТО и постсоветской РФ. Много, если не всё, в этих коллизиях обусловлено некоторой близорукостью и «неосмотрительностью» отечественных политиков и дипломатов как в XIX, так и в XX веке. В наши дни завершается очередной акт славянской драмы: в блок НАТО вступает некогда братская Черногория (вспомним высказывание насчет Черногории царя-миротворца Александра III). В предлагаемой статье приведены красноречивые примеры того, как военные успехи русского оружия во внешней российской политике на Балканах сочетались с отсутствием необходимой для данного региона степени ответственности и решительности в сфере дипломатии. Успехи полководцев, мужество русского штыка здесь явно опережали осторожные шаги государственных деятелей.

Болгарское национальное возрождение конца XVIII – первой половины XIX века привело к формированию мощного патриотического движения, укреплению этнической идентичности, активизации борьбы за независимость от Османской империи. Русско-турецкая война 1877–1878 годов завершилась созданием новой, третьей по счету, Болгарии, в которой, однако, необходимо было сформировать институты государственной власти. Несмотря на то что возглавивший временную гражданскую администрацию князь В.А. Черкасский был сторонником подлинной независимости славянского соседа, на официальных банкетах русские деятели зачастую произносили противоположные по направленности тосты: «Да здравствует Болгария будущая, присоединенная к Великой России» [9: с. 202]. Русские политические круги зачастую имели смутное представление о стоявших перед ними задачах. Будущий генеральный консул в Болгарии А.М. Кумани приводил пример своей беседы с влиятельным в придворных кругах А.Н. Толстым накануне Берлинского конгресса: «Ну, а что вы думаете, — развязно спросил он, — как лучше разделить Болгарию — вдоль или поперек?.. <...> — Позвольте, — заметил я шутя, — Болгария не то, что каравай, который можно безразлично резать так и сяк. Даже прежде, нежели решать, нужно ли вообще ее делить, следовало бы, мне кажется, принять во внимание множество политических, этнографических, экономических и военных соображений и серьезно взвесить их» [6: с. 39]. Именно на Берлинском конгрессе был, по мнению А. Синельникова, упущен исторический шанс сделать Болгарию прорусской на долгие годы [11].

Была у болгаро-русских отношений еще одна сторона — это русская демократическая общественность. Общественным деятелям, представителям как либерального, так и народнического демократического лагеря было чрезвычайно обидно, что недавно освобожденная Болгария получила и парламент, и конституцию — политические институты, о которых русское общество могло в то время только мечтать.

Ни Берлинский трактат 1878 года, ни воссоединение болгарского княжества и Восточной Румелии в результате восстания 1885 года не решили ключевой вопрос всей балканской политики конца XIX – начала XX века — судьбу Македонии. Именно этот край стал ареной ожесточенной борьбы между Болгарией, Грецией, Сербией и даже Румынией. Больше того, деятельность правительства С. Стамболова вызвало резкое недовольство Александра III, разорвавшего дипломатические отношения с Софией. В 1887 году болгарская делегация безуспешно пыталась найти поддержку во Франции: нараставшие противоречия с Германией заставили Париж не обострять отношения с Петербургом [10: с. 302–303].

С этого времени София берет курс на тесное политическое и экономическое сотрудничество с Германией и Австро-Венгрией. Одновременно проходила идеологическая экспансия этих стран. Культуртрегерскую роль при этом приняла на себя Австро-Венгрия, внедрявшая в сознание балканских элит «австрославизм». Современник констатировал, что «путем католической и протестантской пропаганды в новейшее время в Болгарии распространялось австро-германское влияние, и у большинства болгарской интеллигенции годами воспитывалось убеждение в преобладании германской культуры над всякой другой культурой и в несокрушимости германской политической и военной мощи» [3: с. 87].

Болгария, понесшая наибольшие потери среди союзников по антиосманской коалиции в 1-й Балканской войне, по итогам Бухарестского мира оказалась у разбитого корыта: ей пришлось не только отказаться от Македонии, большая часть которой была поделена между Сербией и Грецией, но и передать свою житницу — Южную Добружду — Румынии. Это окончательно толкнуло Софию в объятия кайзера и австро-венгерского императора. В октябре 1913 года в болгарской газете «Мир» было опубликовано следующее воззвание либеральных кругов: «Мы думаем сегодня, как и вчера, что спасительный для царства путь — это политика тесной дружбы с Австро-Венгрией. Эта политика должна быть начата без замедления, потому что каждый час роковой» [5: с. 35].

Основное же противоречие заключалось в том, что каждая из Балканских стран видела себя главной в регионе: если София считала, что Болгария должна быть страной трех морей (Черное, Эгейское, Адриатическое), то белградские политики, в свою очередь, полагали, что «на Балканах может находиться только Сербское государство» [5: с. 35]. Необходимость территориальной экспансии зачастую обосновывалось не только этническими, но и экономическими факторами. В. Коларов полагал, что «молодая болгарская промышленность, выросшая благодаря материнской заботе государства, была не в состоянии бороться с мощной иностранной промышленностью на внешних рынках. Она могла обеспечить себе более широкий рынок только путем завоевания новых земель, путем осуществления Сан-Стефанской Болгарии» [13: с. 24]. Отметим, чтобы добиться гегемонии в регионе, каждой из балканских стран

необходимо было опереться на какого-либо сильного союзника в Европе. Меньше всего на эту роль подходила Россия, выступавшая против внутриславянской вражды и стремившаяся примирить противостоящие друг другу народы. Поэтому вмешательство Германии и Франции в балканские дела было предрешено.

И в Македонии, и в Добрудже новые правители осуществляли процессы разрушения болгарской национальной идентичности, пытались искоренять болгарские фамилии, насаждали официальные государственные языки. Сербские власти запрещали говорить по-болгарски не только в государственных учреждениях и на улице, но даже в частной жизни [14: с. 166]. Это вызывало растущее недовольство болгар, которое возглавила Временная македонско-одринская революционная организация (ВМОРО). В конечном итоге, полагал современник, «чтобы ни делали сербы с македонским населением, Болгария никоим образом не может отказаться от своих национальных притязаний в Македонии, как и Франция не отказывается от Эльзаса и Лотарингии, хотя эти области уже имеют почти немецкий характер» [3: с. 88]. Таким образом, естественным путем и через геополитические аналогии территориальные разногласия Балканских государств вплетались в контекст общеевропейской политики, привязывались к мировой шахматной партии европейских геополитических тяжеловесов.

К началу Первой мировой войны противоречия между Балканскими государствами были настолько значимыми, что для нового конфликта было достаточно одной искры. Ей, по общему признанию, и стало сараевское убийство Франца-Фердинанда, навсегда изменившее Европу. Уже во второй половине 1914 года ВМОРО осуществляла десятки нападений на сербские войска в Македонии, иногда действуя совместно с турецкими и албанскими четниками, что заставило белградские газеты называть это «восточным фронтом» [14: с. 146–147]. В декабре 1914 года Австро-Венгрия освободила пленных солдат сербской армии македонского происхождения [8: с. 163].

В начале 1915 года ВМОРО разрабатывало план захвата Вардарской Македонии независимо от вопроса вступления Болгарии в войну. Предполагалось, что четники и ополченцы, численностью до 50 тыс. человек, при активной поддержке местных жителей, вполне могли справиться с сербскими частями, в дальнейшем пытаясь решить вопрос дипломатическим путем [16: с. 69]. И хотя этот проект не был реализован, он показал решимость ВМОРО действовать, несмотря на колебания Софии. Таким образом, именно политические экстремистские организации и албано-македонские четы во многом способствовали втягиванию в войну «большой» Болгарии, причем радикалам всех мастей удобно было прятаться за ее военную мощь.

Несмотря на объявление нейтралитета в начале войны, глава болгарского правительства В. Радославов писал послу в Париже Д. Станчову: «Болгария никогда не отказывалась и не будет отказываться от своих исторических

и этнографических прав. Мы не можем забыть Македонию, за которую пролили столько крови. Болгария требует Македонии (спорной и бесспорной зон по договору 1912 года), возвращение Добруджы и Энос-Мидий» [18: с. 135].

Таблица 1

Вооруженные силы Балканских государств [2]

Страны	Общий состав, тыс.	Состав 1-го эшелона, тыс.
Румыния	570	388
Сербия	512	355
Болгария	456	307
Греция	410	235
Черногория	60	45

Впрочем, только летние успехи центральных держав в 1915 году способствовали окончательному решению Фердинанда и Радославова. Но прежде свои территориальные претензии Болгария предъявила Сербии, что практически исключало нахождение компромисса с Антантой. Несмотря на определенное давление Англии, Франции и России, сербские политики не могли решиться на раздел страны. «Сербию распинают, ампутуют в самую критическую минуту» — эти слова Н. Пашича выражали интересы большинства сербского общества [12: с. 383]. В свою очередь Центральные державы предложили Болгарии спорную и бесспорную зоны Македонии, а в случае вступления в войну Греции и Румынии на стороне Антанты — часть их территории. Союз с Болгарией обеспечивал не только военный перевес Германии на Балканах, но и коридор для связей с Турцией, окруженной почти со всех сторон вражеским кольцом.

Вступление Болгарии в войну осенью 1915 года вызвало изменение ситуации на Балканском полуострове в пользу Германии. Сербия была разбита, а остатки ее армии сначала были эвакуированы на остров Корфу, а затем в Салоники. Болгария вернула Македонию, где в свою очередь обрушила репрессии теперь уже на сербское население. Вновь присоединенные территории были разделены на 16 административных округов, к которым добавился Одринский округ, добровольно переданный Болгарии Турцией.

К лету 1916 года болгарские вооруженные силы были разделены на три армии, общей численностью 670 тыс. человек: 1-я армия под командованием генерала К. Бояджиева и 2-я армия генерала Г. Тодорова (обе армии состояли из 4 дивизий) были размещены на Салоникском фронте, 3-я армия генерала С. Тошева (в составе 3 дивизий) размещалась на линии Бургас – Варна – Русчук и в дальнейшем участвовала в румынской кампании. Черноморская флотилия состояла из 70 офицеров и 1200 матросов, но ее самой боеспособной единицей был 700-тонный крейсер «Надежда». Что касается Дунайской флотилии, то она была затоплена болгарскими еще в начале 2-й Балканской войны. Описываемый период отмечен наибольшим военным и политическим значением Болгарии в Четверном союзе.

Осенью 1916 года после вступления в войну Румынии на стороне Антанты болгаро-немецкие части быстро разбили румынскую армию. Особенно большой резонанс имело взятие считавшейся неприступной крепости Тутракан с 40-тысячным румынским гарнизоном (подробнее об этой кампании см. в воспоминаниях С. Тошева [20]). Одна из немецких газет так характеризовала это событие: «Блестящая победа при Тутракане вызвала большой энтузиазм во всей Германии. На улицах проходят народные манифестации в честь болгарской союзницы» [21: с. 143]. Болгария, однако, всегда была для Германии лишь орудием, а не партнером. Позднее главнокомандующий болгарской армией Н. Жеков писал своему немецкому коллеге фельдмаршалу П. Гинденбургу, что в Добрудже, как и в других местах, германские военные власти относятся к Болгарии не как к союзнице, а как к побежденной стране [7: с. 25]. Более того, Северная Добруджа была передана кондоминиуму победителей, несмотря на протесты болгарской стороны, что в итоге привело к падению кабинета Радославова.

Затянувшаяся война вызвала резкое ухудшение жизни в Болгарии. С июля 1914 по апрель 1918 года цены на хлеб выросли в 2 раза, на масло в 7 раз, на картофель в 11 раз. В болгарской армии к 1918 году стал все более заметен недостаток продовольствия и фуража. В мае 1918 года норма выдачи хлеба фронтovým частям сократилась с 800 до 700 г, тыловым — с 600 до 500. В нездоровых болотистых местностях Салоникского фронта свирепствовали болезни: во 2-й болгарской армии с марта по сентябрь 1918 года малярией заболело свыше 13 тыс. человек [17: с. 451–458]. Все вышесказанное вызвало рост социального протеста, наблюдавшегося и в рядах действующей армии.

Уже с лета 1918 года болгарские представители вели переговоры в Швейцарии с американскими делегатами о возможностях выхода из войны. Напомним, что Болгария не разрывала дипломатические отношения с США даже после их вступления в войну в апреле 1917 года. Свои интересы на Балканском полуострове пыталась отстаивать и Советская Россия: еще в январе 1918 года В.И. Ленин и Л.Д. Троцкий при посредничестве болгарских революционеров установили контакты с правительством В. Радославова, заявив о поддержке единой сильной Болгарии при условии отстранения Фердинанда от престола [20: с. 12].

К концу лета в войне наметился решительный перелом в пользу Антанты. «Черной пятницей» для германской армии на Западном фронте стало 8 августа. В течение 1918 года происходило усиление Салоникской группировки Антанты, в которую вошли и греческие войска [22: р. 171]. В середине сентября 1918 года началось решающее наступление союзников в Македонии, имевших серьезный перевес; на направлении главного удара соотношение сил Антанты и Четверного союза в пехоте было 2,3 : 1, в артиллерии и авиации 3,5:1 [17: с. 459].

В результате фронт был прорван. Болгария подписала Салоникское перемирие 29 сентября, став первым вышедшим из войны участником германской коалиции. Отправленный в отставку еще до этого события Радославов бежал

в Германию, где и умер в 1929 году. Фердинанд отрекся в пользу сына Бориса, также покинув Болгарию. Германское влияние на Балканах на короткий срок оказалось заменено политическим доминированием Франции.

Мир в Нейи практически уничтожал вооруженные силы Болгарии: численность армии не должна была превышать 20 тыс. человек, жандармерии — 10 тыс., корпуса пограничной стражи — 3 тыс. Ввоз и вывоз оружия и военных материалов запрещался, собственная военная промышленность могла развиваться только на одном заводе. Болгария обязывалась выплатить репарации в размере 2,25 млрд франков. Но еще больше были территориальные уступки: страна не только возвращалась к границам 1913 года, но лишалась выхода к Эгейскому морю (48-я статья договора гарантировала Болгарии «свободу экономического выхода» к нему). По Севрскому договору 1920 года особый режим для болгарских граждан и грузов устанавливался в порте Додеагач, что, впрочем, не удовлетворило софийское правительство.

Самое же главное: Нейский мир вновь лишил Болгарию присоединенных территорий и выбил ее из активной балканской политики. В октябре 1920 года новый премьер-министр А. Стамболийский совершил стодневное турне по Европе, заявив: «Из-за преступлений Фердинанда и его глупых и безвольных правителей, марионеток в руках этого дрянного и капризного царя, наказали и возненавидели болгарский народ... Болгарский народ не имеет ничего общего с этим диким, продажным, подлым, предательским, зарвавшимся сбродом, который вверг Болгарию в две национальные катастрофы и изолировал ее от соседних балканских стран» [1: с. 24].

Болгария была принята в Лигу Наций только в 1920 году одновременно с Албанией. И если Добруджа была возвращена по Крайовскому миру 1940 года, то Македония долгое время была в составе Югославии, став после ее распада независимым государством.

История, по утверждению древних, есть учительница жизни, причем учительница суровая. Однако ее кровавые уроки не всегда усваиваются сильными мира сего, часто не желающими даже ходить в «школу» этой уважаемой спутницы бога Аполлона. Не потому ли у сильных мира *того*, например, упомянутого Феба-Аполлона, всегда найдется повод, чтобы вершить свой беспощадный суд над нерадивыми учениками? Между тем такой суд, такая оценка содержалась в работах современников, анализировавших события с социально-экономических и политических позиций. Так, далекий от поддержки идей славянского единства В.И. Ленин в статьях 1914 года (они вошли в 26-й том его собрания сочинений) подчеркивал мысль, что в национально-освободительное движение народов неизбежным становится вмешательство сильных империалистических держав. Тем не менее Ленин высказывался скептически в отношении перспектив создания блока демократических государств — Соединенных Штатов Европы — как геополитического противовеса царской России. Вождь большевиков подверг критике взгляды тех социал-демократов,

которые отказывались от поддержки национально-освободительных движений, так как они-де выступают инструментом борьбы одной империалистической страны против другой. Так и Балканы становились разменной монетой в геополитических спорах европейских держав. В роковой для России 1915 год Ленин клеймил немецких и австрийских социал-демократов за их недостаточный социализм, а значит — и интернационализм, и главное — за их участие в империалистическом грабеже Сербии. Даже для политика-марксиста Балканская страна не была отвлеченным понятием. Что же говорить о других представителях российского политикума? Российские государственные деятели горели желанием выстроить общеславянский дом. Удастся ли это в будущем, покажет время.

Литература

1. *Божков Л., Нинов Н.* Исторический путь Болгарского земледельческого народного союза. София: БЗНС–София Пресс, 1980. 59 с.
2. Вооруженные силы балканских государств // Балканский голос. 1914. № 1. С. 9–12.
3. К вопросу о национальности македонских славян // Славянские известия. 1915. № 6. С. 86–88.
4. *Кораблев В.* Болгарская церковь и инославная пропаганда // Славянские известия. 1915. № 2. С. 25–27.
5. *Кораблев В.Н.* Итоги // Славянские известия. 1915. № 3. С. 33–36.
6. *Кумани А.М.* Воспоминания. 1878–1881. М.: Новый хронограф, 2015. 314 с.
7. Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и Временного правительств. Серия 3. Т. III. М.; Л.: Соцэкгиз, 1935. 450 с.
8. *Милюков П.Н.* Великая война народов // Великая война: в 2-х т. Т. 1. М.: Книгозвук, 2014. 288 с.
9. *Погодин А.Л.* История Болгарии. СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1910. 224 с.
10. *Покровский М.Н.* Дипломатия и войны царской России в XIX столетии. М., 1924. 392 с.
11. *Синельников А.* «Болгарский выбор» и царь Фердинанд. Почему Болгария вступила в войну вопреки национальным интересам // Россия и Европа до и после Великой войны 1914–1918 гг. М.: «Вече», 2015. С. 61–75.
12. *Штрандтман В.* Балканские впечатления. М.: Книгочей, 2014. 504 с.
13. *Вежен К.* Съдбините на комунизма в България // Коммунистическо знамя. 1926. № 13–14. С. 20–26.
14. *Гоцев Г.Д.* Национално-освободителната борба в Македония 1912–1915. София: Българска академия на науките, 1981. 207 с.
15. *Кузманова А.* От Ньой до Крайова. Въпрос за Южна Добруджа в международните отношения (1919–1940). София: Наука и Изкуство, 1989. 306 с.
16. *Минчев Д.* Участието на населението от Македония в българската армия през Первата Световна война 1914–1918. София: Св. Георги Победоносец, 1994. 196 с.
17. *Петров И.* Македоният фронт в края на войната през 1918 година // Българите във войните за национално освобождение и обединение 1876–1919. Плевен: регионален исторически музей, 2008. 495 с.

18. *Радославов В.* Дневни бележки. 1914–1916. София: Св. Климент Охридский, 1993. 214 с.
19. *Спасов Л.* Предговор // Малеев Л. Шестте ми срещи с кайзер Вилхелм II. София: Св. Георги Победоносец, 1993. С. 5–13.
20. *Тошев С.* Действията на III армия в Добруджа през 1916 година. София: Захари Стоянов, 2007. 316 с.
21. *Хинева М.* Боевете при Тутракане през 1916 г. // Тутракан в историческото развитие на Добруджа. Тутракан: Националният военноисторически музей, 1995. С. 135–146.
22. *Palmer A.* The Gardeners of Salonika. London: Andre Deutsch, 1965. 286 p.

Literatura

1. *Bozhkov L., Ninov N.* Istoricheskiy put' Bolgarskogo zemledel'cheskogo narodnogo soyuza. Sofiya: BZNS–Sofiya Press, 1980. 59 s.
2. Vooruzhenny'e sily' balkanskix gosudarstv // Balkanskiy golos. 1914. № 1. S. 9–12.
3. K voprosu o nacional'nosti makedonskix slavyan // Slavyanskije izvestiya. 1915. № 6. S. 86–88.
4. *Korablev V.* Bolgarskaya cerkov' i inoslavnaya propaganda // Slavyanskije izvestiya. 1915. № 2. S. 25–27.
5. *Korablev V.N.* Itogi // Slavyanskije izvestiya. 1915. № 3. S. 33–36.
6. *Kumani A.M.* Vospominaniya. 1878–1881. M.: Novy'j xronograf, 2015. 314 s.
7. Mezhdunarodny'e otnosheniya v e'poxu imperializma. Dokumenty' iz arxivov czarskogo i Vremennogo pravitel'stv. Seriya 3. T. III. M.; L.: Socet'kgiz, 1935. 450 s.
8. *Milyukov P.N.* Velikaya vojna narodov // Velikaya vojna: v 2-x t. T. 1. M.: Knigo-vek, 2014. 288 s.
9. *Pogodin A.L.* Istoriya Bolgarii. SPb.: Brokgauz-Efron, 1910. 224 s.
10. *Pokrovskij M.N.* Diplomatiya i vojny' czarskoj Rossii v XIX stoletii. M., 1924. 392 s.
11. *Sinel'nikov A.* «Bolgarskiy vy'bor» i czar' Ferdinand. Pochemu Bolgariya vstupila v vojnu vopreki nacional'ny'm interesam // Rossiya i Evropa do i posle Velikoj vojny' 1914–1918 gg. M.: «Veche», 2015. S. 61–75.
12. *Shtrandtman V.* Balkanskije vpechatleniya. M.: Knigochej, 2014. 504 s.
13. *Vezhen K.* S'bdinite na kommunizma v B'lgariya // Kommunisticheskoe znamya. 1926. № 13–14. S. 20–26.
14. *Gocev G.D.* Nacionalno-osvoboditelnae borba v Makedoniya 1912–1915. Sofiya: B'lgarska akademiya na naukite, 1981. 207 s.
15. *Kuzmanova A.* Ot N'oj do Krajoval. V'prost za Yuzhna Dobrudzha v mezhdunarodnite otnosheniya (1919–1940). Sofiya: Nauka i Izkustvo, 1989. 306 s.
16. *Minchev D.* Uchastieto na naselenieto ot Makedoniya v bolgarskata armiya prez Pervata Svetovna vojna 1914–1918. Sofiya: Sv. Georgi Pobedonosec, 1994. 196 s.
17. *Petrov I.* Makedoniyat front v kraja na vojната през 1918 godina // B'lgarite v'v vojnite za nacional'no osvobozhdenie i obedinenie 1876–1919. Pleven: regionalen istoricheski muzej, 2008. 495 s.
18. *Radoslavov V.* Dnevni belezhki. 1914–1916. Sofiya: Sv. Kliment Oxridskiy, 1993. 214 s.
19. *Spasov L.* Predgovor // Maleev L. Shestte mi sreshhi s kajzer Vilxelm II. Sofiya: Sv. Georgi Pobedonosec, 1993. S. 5–13.
20. *Toshev S.* Dejstviyata na III armiya v Dobrudzha през 1916 godina. Sofiya: Zaxarij Stoyanov, 2007. 316 s.

21. *Xineva M.* Boevete pri Tutrakane prez 1916 g. // Tutrakan v istoricheskato razvitiie na Dobrudzha. Tutrakan: Nacionalniya voennoistoricheski muzej, 1995. S. 135–146.
22. *Palmer A.* The Gardeners of Salonika. London: Andre Deutsch, 1965. 286 p.

A.A. Boltaevsky,
I.P. Priadko

**The Macedonian Deadlock:
on the Problem of Bulgaria's Participation in the First World War**

The article discusses the geopolitical aspect of Bulgaria's participation in the First World War. Balkan states in the conditions of the global conflict tried to defend their strategic interests, despite the dominant influence of senior partners in the coalition.

Keywords: First World War; Bulgaria; Balkan Peninsula; Germany.